КЛАРА БЕРКОВА

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ НАУКИ

КНИГА ДЛЯ ЭРУДИТОВ

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Родительское собрание

Клара Беркова

Герои и мученики науки. Книга для эрудитов

«Алисторус»
2026

УДК 001
ББК 72.3

Беркова К. Н.

Герои и мученики науки. Книга для эрудитов / К. Н. Беркова — «Алисторус», 2026 — (Родительское собрание)

ISBN 978-5-00269-374-0

Перед вами легендарная книга, которая вышла накануне Великой Отечественной войны и стала для миллионов советских подростков «вратами учености» и путевкой в жизнь. То что Советский Союз стал великой просвещенной державой — во многом заслуга этой книги. Клара Наумовна Беркова (1881–1938) — талантливый врач, историк науки и писательница, владеющая самым трудным жанром — умением писать просто о сложном. Эта книга стала легендарной, которая превращала троечников в отличников, а хулиганов — в эрудитов. Беркова умела увлечь знанием, историей науки, которая веками противостояла магии и мракобесию. Мы видим, как боролись за свое призвание Галилей и Кеплер, Джордано Бруно и Коперник, Гуттенберг и Дарвин, Иван Федоров и Александр Попов, Иван Мичурин и Иван Папанин… Как ученые познавали тайны звездного неба, как совершали открытия, изобретали лекарства, спасшие миллионы людей от оспы и гриппа. Увлекательная книга, открывающая для нас тайны науки, должна быть в каждой библиотеке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 001
ББК 72.3

ISBN 978-5-00269-374-0

© Беркова К. Н., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Средневековье 7
Роман о коварном лисе 7
Феодальный порядок 9
Власть церкви 12
Торговый дом «Папа Римский и К°» 14
Сумерки культуры 17
Наука или магия? 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Клара Беркова
Герои и мученики науки.
Книга для эрудитов

© ООО «Издательство Родина», 2026.

Средневековье

Роман о коварном лисе

«Король Лев с приличным его сану достоинством восседал в кресле, окруженный блестящей свитой своих знаменитых баронов.

– Неужели, государь, негде искать правды на свете?! – воскликнул волк Изегрин, выступая на середину зала. – Ваши желания и даже ваши приказания – ничто для Ренара-Лиса, зачинщика всех зол и усобиц, этого воплощения хитрости и лукавства. Не из мести пришел я сюда искать гибели Ренара – я пришел просить у вас правосудия!

Не любил благородный Лев, чтобы его бароны ссорились и судились между собой.

Суд благородного Льва.

– Если вы непременно того желаете, – сказал он, – то Ренара вызовут в суд и рассудят это дело с соблюдением всех законных формальностей. Я принимаю вашу жалобу.

Изегрин, грустно повеся хвост, отошел в сторону. Вдруг явилась во дворец целая процессия: петух Шантеклер, курица Пинт и еще три дамы, ее сестры, – Гуссет, Бланш и Нуарет. Все они сопровождали траурную колесницу с останками благородной курицы Копе. Не далее как накануне подстерег ее Ренар, оторвал ей крыло, перегрыз ногу и замучил до смерти. Король, устав от прений, собирался уже распустить собрание, когда явился этот кортеж. Пинт первая решилась заговорить:

– Господа волки и собаки, благородные и милые звери, не отриньте жалобы невинных жертв! У меня было пять братьев – всех их съел Ренар! У меня было еще четыре сестры, во цвете лет и красоты, – все достались Ренару. Дошла наконец очередь и до тебя, крошка моя Копе! Была ли на свете курица жирнее и нежнее тебя, несчастная моя подруга? Что будет теперь с твоей неутешной сестрой? Да пожрет тебя огонь небесный, коварный Лис! Не ты ли столько раз пугал нас до смерти и портил нам платье, забравшись в курятник?! И вот теперь пришли мы все искать у вас защиты, благородные бароны, так как сами мы не в силах мстить Ренару!

В конце этой речи, часто прерываемой рыданиями, Пинт упала без чувств на ступеньки трона, а вслед за нею и все ее сестры. Волки и собаки поспешили к ним на помощь и стали брызгать на них водой, после чего, приведенные в чувство, они подбежали к королю и кинулись ему в ноги. Шантеклер стоял тут же, орошая слезами королевские колени.

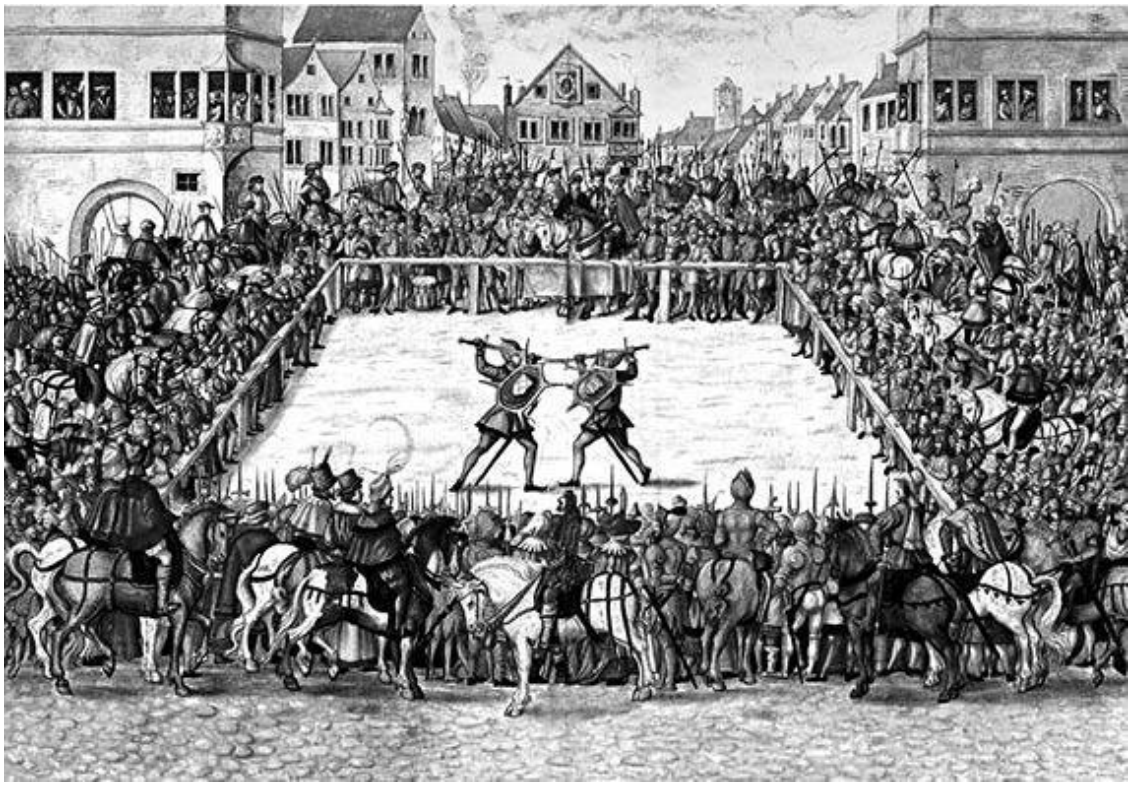
Глубокая жалость наполнила душу короля. С тяжким вздохом поднял он голову и, откинув назад свою гриву, испустил такое рыканье, что все звери попятились от ужаса, а заяц – так того потом чуть не двое суток била лихорадка.

– Госпожа Пинт! – воскликнул король, свирепо ударяя хвостом по бокам. – Во имя моего отца, обещаю вам вызвать Ренара. Тогда бы увидите собственными глазами и услышите собственными ушами, как наказываю я ночных воров, убийц и изменников!»

«Роман о Ренаре-Лисе», из которого мы взяли сцену во дворце благородного Льва, – одно из величайших произведений французского народного творчества.

Подобно русским народным сказкам и песням, созданным в старину, роман о Ренаре отражал действительную жизнь далекой эпохи. Возник он во Франции в XII–XIII веках. Мы видим здесь целую галерею животных. Их характеры, их взаимоотношения складываются в картину животного мира, организованного наподобие человеческого общества, хорошо знакомого авторам и рассказчикам романа. Все эти звери и зверушки, начиная с могучего короля – благородного Льва – и его баронов: тяжеловесного волка Изегрина, коварного хищника Ренара-Лиса, чванного осла Бернара, пронырливого кота Тибера, вплоть до улитки Запоздайки, сверчка Фробера и прочей мелкоты, – типичные фигуры феодального порядка. Сцены королевского суда, поединок между Ренаром и Изегрином, церковная служба над телом притворившегося мертвым Лиса, проповедь архиепископа, осла Бернара, и папского посла, верблюда Мюзара, пронизаны острой веселой насмешкой над господствовавшими в те времена феодальным дворянством и духовенством. Роман о Ренаре-Лисе – остроумная и меткая сатира, которой народные массы мстили своим угнетателям.

Феодальный порядок

За семь-восемь веков до нашего времени в Западной Европе господствовали феодалы-помещики. Основой их власти было владение землей. «Нет земли без господина», – гласила тогда французская пословица. Народные массы, крестьяне и ремесленники, были в полном порабощении у господ. Феодальный порядок удержался в европейских странах очень долго – до половины XVIII столетия.

В эпоху расцвета феодализма – XII–XV века – каждая страна распадалась на множество обособленных владений, или сеньорий. Каждое из них возглавлялось крупным помещиком-государем, сеньором (от латинского слова «сеньор» – старший). Последний пользовался неограниченной властью: он чеканил монету, объявлял войну, чинил суд и расправу над населением. Кроме светских феодалов – князей, графов, герцогов, – к классу феодальных землевладельцев принадлежали и духовные лица – епископы, архиепископы. Крупными землевладельцами являлись и монастыри со своими настоятелями – аббатами. Выше всех в стране был император или король, ниже стояли герцоги, графы, архиепископы, епископы, еще ниже – бароны, аббаты и, наконец, мелкие феодалы – рыцари. Получалась целая лестница общественных отношений.

Феодалы жили в укрепленных замках, обнесенных глубокими рвами и земляными валами. Мрачные сторожевые башни и массивные железные ворота, рвы с подъемными мостами защищали их от нападения соседей. Главными занятиями феодала были война, охота, разбойничьи набеги на мирное население да еще военные состязания – турниры. Духовные феодалы – епископы, архиепископы и другие «князья церкви» – не уступали светским в воинственности и тунеядстве. Феодалы-землевладельцы были паразитическим, непроизводительным классом. Их кормил и содержал трудовой люд, населявший поместья.

На помещика работали и крепостные крестьяне – сервы (потомки прежних рабов) и лично свободные вилланы (от латинского слова «вилла» – поместье). И те и другие платили

помещику ценз, или чинш, – арендную плату за пользование землей, талью – подушный налог, налог с наследства и многие другие налоги. И те и другие одинаково страдали от господского «права охоты». Барская охота была сущим несчастьем для крестьянина. Пока сеньор охотился, крестьянину, под страхом виселицы, запрещалось выгонять дичь, вытаптывающую его посевы. Крепостные крестьяне, помимо всяких налогов, обязаны были ходить на барщину, то есть возделывать господскую землю. Все это, при низкой технике сельского хозяйства, еще не знавшего ни машин, ни современных способов обработки, ложилось тяжким гнетом на крестьянство.

Помещик смотрел на крестьянина, как на вьючное животное. Недаром говорит немецкая феодальная пословица: «Крестьянин – тот же бык, только безрогий». Крестьянская беднота прозябала на самом низком уровне. Ютились обычно в глиняной избенке. Избенка была курная – дым выходил через дыру в крыше. Вместо окон – отверстия, заткнутые тряпьем. В такой грязной и тесной норе не переводились всякие болезни. Изголодавшиеся, доведенные до отчаяния крестьяне часто восставали против феодалов. Но эти стихийные, неорганизованные бунты всегда кончались жестокой расправой.

Не меньше графов и баронов притесняли крестьян духовные феодалы. У духовенства была своя мощная организация – католическая церковь, руководившая религиозной жизнью верующих. Церковь была крупнейшим феодалом, сосредоточившим в своих руках больше трети всех земель. Ее колоссальные богатства составлялись из различных источников: к церкви стекались огромные приношения от верующих «на помин души», то есть за молитвы о душе покойника; церковь присваивала себе всевозможные ценности, которые сдавались в монастыри на хранение во время войны; она выгодно сбывала продукты своего хозяйства; она захватывала силой, а также получала в дар от королей значительные земельные участки. Дарить церкви и монастырям считалось «богоугодным» делом – ведь духовенство называло себя посредником между богом и людьми. Священники и монахи уверяли, что крупным подарком церкви, «смиренной» служительнице бога, можно купить себе спасение души на том свете. Вот выписка из дарственной грамоты в пользу церкви (1035 год):

«Я, божьей милостью римский император Конрад, вместе с супругой нашей, императрицей Гизеллой, для спасения души нашей передаем в собственность храму сему из вотчин наших восемь деревень в Нижнем Пфальце близ Вормса со всеми статьями, как-то: сервами, усадебными местами, строениями, землями, пашнями, лугами, выгонами, водами, реками, мельницами, рыбными ловлями, с тем чтобы аббат этого места, с той же властью и пользой, как и мы, впредь этим свободно владел и все, что оттуда получит, обращал бы на потребу церкви и братии…»

Любопытно, что сервы, то есть крепостные крестьяне, перечисляются здесь наравне со строениями, пашнями, лугами и т. п. Их можно покупать и продавать, как вещь. Серв – такая же частная собственность, такой же предмет эксплуатации, как какой-нибудь выгон.

«Святые отцы» умели выжимать доходы из своих крепостных еще покруче светских феодалов. Они выколачивали из крестьян десятину – десятую часть всех доходов. Десятина взималась со всего, «что имеет стебель», то есть не только с зерна, но и с сена, с винограда, с овощей и плодов. Десятина платилась и со скота: аббаты то и дело требовали то ягненка, то теленка, то домашнюю птицу. Особенно любили служители церкви лакомиться крестьянскими курами. Каких только названий для кур не придумывалось, чтобы отобрать побольше сортов: и «постные», и «кадильные», и «сенные», и «телесные», и «садовые», и всякие другие. Отбирались также продукты, получаемые от домашних животных: молоко, сыр, масло, яйца, шерсть, перо и т. д.

Чем удерживались в повиновении народные массы? Они удерживались и силой оружия и силой религиозного воздействия, исходившего от церкви. Прочный союз меча и креста был направлен против трудящихся масс и прежде всего против крестьянства.

Феодальное государство было организацией светских и духовных помещиков для господства над крепостными крестьянами.

Власть церкви

Никогда церковь не пользовалась такой властью и могуществом, как в феодальную эпоху, так называемые средние века, между закатом древней культуры и расцветом новой. В самом деле, где и в чем мог искать утешения феодальный крестьянин, составлявший большинство населения? Бесконечные поборы светских и духовных господ, нищета, эпидемии и голодовки, темнота и невежество – все это представляло прекрасную почву для религиозного дурмана. «Религия – опиум народа», сказал Карл Маркс. Церковники умели ловко использовать народное горе-злосчастье. Распыленная, неорганизованная крестьянская масса была неспособна дать отпор насильникам. Бедняку внушали терпение и покорность. Он должен молча страдать, отказывать себе во всем. «Бог терпел, да и нам велел». Чем безропотнее ты страдаешь на земле, тем вернее заслужишь награду на небесах. А за протест, за бунт против господ бог покарает адскими муками.

О райских наградах и адских мучениях бедняку говорили и проповеди аббатов, и пышные церковные процессии, и вся обстановка католических храмов. Он видел их на картинах средневековых художников, украшавших стены храмов. Горящие свечи, церковное пение, торжественные звуки органа, печальный свет, льющийся через раскрашенные стекла, – все призывало его уйти от мирских забот и думать только о спасении души.

Христианская религия утверждает, что человек состоит из тела и души. Главное в человеке – не тело, а бессмертная душа. Заботиться о теле – значит угождать дьяволу. Цель жизни верующего – спасение души молитвами, постами, богоугодными делами и прежде всего смирением и терпением.

В наше время каждый школьник знает, что никакой души, независимой от тела, не существует, что бессмертная душа и загробная жизнь – поповские басни. То, что мы называем душевной жизнью – наши мысли, наши чувства, наши желания, – тесно связано с работой мозга и некоторых желез. Со смертью тела исчезают и мысли и чувства. Никакой другой жизни, кроме земной, нет. Вот почему надо бороться за лучшую жизнь на нашей родной планете – Земле. Вспомним слова Владимира Ильича:

«Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь на земле». (Ленин, т. VIII, с. 419–420).

Но отсталый крестьянин эпохи феодализма был еще очень далек от сознательного рабочего XX века, о котором говорит Ленин. Он был весь во власти религиозных предрассудков. Господствующая католическая церковь была мощным орудием эксплуатации. Мир небесный она строила наподобие мира земного. «Царство небесное» управляется «троицей» – бог-отец, бог-сын (Иисус Христос), бог – дух святой. Немного пониже – мать божия, заступница перед сыном. Еще ниже – святые. Подобно феодалам, они располагаются по лестнице: апостолы, великомученики и, наконец, просто мученики.

Сам бог установил феодальный строй на небе и на земле – утверждали церковники. Они объявляли вечным и неизменным порядок, который держался насилием незначительного меньшинства феодалов над несметными массами закрепощенного крестьянства и городской бедноты. «Рабы, повинуйтесь господам вашим!» – будто бы завещал сам апостол Павел.

Так христианская церковь отвлекала массы от классовой борьбы и учила их безропотно переносить гнет и насилие.

Забитый, невежественный феодальный крестьянин был весь во власти попов. Радость ли у него, горе ли, родился ли ребенок, умер ли кто из близких, постиг ли его неурожай – к

нему тянутся жадные, загребущие руки. За молебны «о даровании урожая», за молитвы «об исцелении от болезни» – за все он должен платить последние гроши.

Тащи гроши! Люли-люли!
Могу обедню отслужить!

– говорится в народной песенке того времени.

Великолепными насосами для выкачивания средств из тощего кармана крестьянина или городского ремесленника были средневековые монастыри. Населявшие их монахи и монахини лицемерно уверяли, что они удалились от мира для спасения души, для «святой» жизни в постах и молитвах. На самом деле они часто предавались разгулу и обжорству.

Великий писатель XVI века Рабле так высмеивает этих бездельников и тунеядцев:

«В монастыре мы пробыли недолго, но зато в точности узнали, чем занимаются монахи в течение недели. Занятия у них не очень трудные. По воскресеньям они тузят друг друга. По понедельникам щелкают друг друга по носу. По вторникам царапаются. По средам утирают друг другу носы. По четвергам таскают друг у друга из носу козявок. По пятницам щекочут друг друга под мышками. По субботам лупят друг друга веревками».

Привольное житье было монахам! Каждый монастырь представлял собой крупное хозяйство. В монастырских закромах скоплялись богатые запасы хлеба, в монастырских погребах хранились самые дорогие вина, в монастырских прудах разводилась самая лучшая рыба. Монастырь вел торговлю хлебом, скотом, рыбой и другими товарами. Его обитатели едва поспевали опорожнять огромные, в рост человека, кружки для пожертвований. Из народных грошей складывались миллионы, которые широким потоком текли в монастырскую казну.

Торговый дом «Папа Римский и К°»

По мере того как возрастали земельные и денежные богатства церкви, росло и ее политическое значение. Феодальные владения, как мы знаем, были разрознены, замкнуты в себе. Одна католическая церковь, объединившая все страны Западной Европы, представляла сильную централизованную организацию. Она имела свое особое управление, свой особый церковный суд. Во главе этой организации стоял папа римский.

Папа объявил себя преемником главного «святого», апостола Петра, у которого якобы хранятся ключи от рая. Но и этого показалось мало. Папы провозгласили себя представителями самого Иисуса Христа на земле. Для поддержания своего авторитета один из них пустил в ход подложные документы. В них удостоверялось, что церковь независима от государства, что папы выше королей, что имущество церкви священно и неприкосновенно, и т. п.

В качестве полномочного представителя Иисуса Христа папа римский присвоил себе право «отпускать» грехи. Само собой разумеется, что это стоило денег. Церковная лавочка бойко торговала индульгенциями – так назывались квитанции об уплате за прощение того или иного греха. Была выработана даже такса: чем больше грех, тем больше плата за «отпущение». Одна плата – за простое воровство, другая – за поджог, грабеж, убийство. Особая плата – за убийство брата, сестры, отца, матери. Но больше всего плата – за оскорбление церкви.

Торговля индульгенциями оказалась весьма прибыльным предприятием. Она давала папству огромные доходы. Бельгийский писатель Шарль де Костер в своей известкой книге «Тиль Уленшпигель» рисует такую бытовую картинку из эпохи феодализма.

Два монаха прибыли продавать индульгенции. Поверх их монашеских одеяний были надеты кружевные рубахи.

В хорошую погоду они торговали на паперти, в дождь – в сенях. Здесь была прибита их такса. Они продавали отпущение грехов за шесть ливров, за пол-парижского ливра, за семь флоринов, за дукат на сто, двести, триста, четыреста лет, а равно, смотря по цене, и на полное загробное блаженство или на половину его…

Покупателям, уплатившим сполна, они вручали кусочки пергамента, на которых указано было число оплаченных лет. Под числом было написано:

Не хочешь ты в чистилище
Гореть сто тысяч лет,
Купи грехов прощение —
Вот мой тебе совет!
Купи здесь индульгенцию,
Будь папою прощен;
Грош, здесь ему уплаченный,
Там господом зачтен!

Индульгенции выдавались не только живым, но и мертвым. Чем больше заплатят родственники за покойника, тем скорее душа его попадет в рай!

Нет такого греха, который не покрывался бы индульгенцией, – уверяли церковники, – и вольные, и невольные, и прошлые, и настоящие, и даже будущие. Знаменитый итальянский гравер и скульптор Бенвенуто Челлини в своей интересной автобиографии рассказывает, как папа Климент V заранее отпускал ему будущие убийства, выгодные для церкви:

«Папа, воздев руки к небу и осенив меня крестным знамением, сказал, что он меня благословляет и прощает мне все человекоубийства, которые я когда-либо совершил, и все те, которые я когда-либо совершу на службе апостольской церкви».

Не нужно думать, что отпущение грехов за деньги практиковалось только на Западе. Торговля индульгенциями существовала и в царской России. Здесь они назывались «прощеными» или «разрешительными» грамотами. «Прощеные» грамоты изготовлялись в большом количестве на московском Печатном дворе. Такая грамота, изукрашенная всякими «святыми» изображениями, обходилась православной церкви в рубль двадцать копеек, а продавалась по сто рублей золотом. При массовом производстве это составляло недурной доход. Глава православной церкви, «святейший патриарх», так же спекулировал на народной темноте, как и папа римский, возглавлявший церковь католическую.

Другим крупным источником доходов для церкви христовой была торговля реликвиями.

Реликвиями назывались якобы сохранившиеся «священные» предметы, имевшие отношение к Христу, богоматери и к различным святым. Чего-чего тут не было, в этих диковинных лавках старьевщика! И куски «животворящего» креста, на котором будто бы был распят Иисус Христос, и гвозди, которыми его прибивали к кресту, и кусок окна, из которого архангел Гавриил возвестил деве Марии, что она родит Христа, и пеленки младенца Иисуса, и молоко богородицы, и кости ослицы, на которой Иисус въехал в Иерусалим! Во многих часовнях показывали волосы богоматери – в одних черные, в других белокурые, а кое-где и рыжие. Целый ряд монастырей с гордостью хранил «нетленные останки святых» – туловища, головы, руки, ноги…

Поверим на минуту в подлинность этих реликвий. И что же окажется? У святого Севастьяна было четыре туловища, пять голов и тринадцать рук, у Иоанна Крестителя – десять голов, а у святого Юлиана – не более не менее как двадцать туловищ и двадцать шесть голов!

Из остатков «животворящего» креста можно было бы соорудить целый огромный корабль. Гвоздей, которыми будто бы был распят Христос, набиралась чуть не бочка. А что касается «молока» богородицы, то о нем правильно сказал один из врагов католической церкви: «Этого молока так много, что если бы святая дева была коровой или кормилицей всю свою жизнь, то и тогда она не смогла бы дать столько молока». «Молоко богородицы», после исследования учеными, оказалось разведенным в воде галактитом – белым порошком, который часто встречается на сводах пещер.

Но рекорд побил один из монастырей во Франконии: там показывали… палец святого духа!

Все эти нелепости нисколько не смущали духовных отцов. Вереницы верующих паломников, тянувшиеся в монастырь, чтобы «приложиться» к реликвиям, приносили им колоссальные барыши. Недаром папа Бонифаций VIII как-то сказал: «Ни одна басня никогда не приносила столько дохода, как басня о Христе». А один из кардиналов, его ближайших помощников, добавил: «Чернь хочет быть обманутой».

Сумерки культуры

Владычество католической церкви в средние века накладывало сумеречный отпечаток на всю жизнь. Средневековый крестьянин или городской ремесленник считал чем-то низменным, греховным заботу о теле. Потребность в свежем воздухе, в чистоте, в физической культуре тела подавлялась и заглушалась. И деревня, и город утопали в грязи. Нечистоты выбрасывались в реку или прямо на улицу. Мостовых не было. Император Фридрих III, проезжая в 1485 году по улицам одного германского города, едва не утонул в нечистотах вместе со своей лошадью. Вследствие антисанитарного состояния часто свирепствовали эпидемии. Иногда вымирали чуть не целые города.

На узких, кривых уличках средневекового города громоздились деревянные строения. Неимущий люд жил в низких, тесных каморках с крохотными решетчатыми окнами, не пропускавшими ни света, ни воздуха. Только каменное здание церкви или монастыря выделялось из кучки неприглядных домишек. Так и в сельской местности угрюмые башни рыцарского замка высились над жалкими крестьянскими лачугами. Два хищника – замок и монастырь – поделили между собой власть.

На всю культуру наложила церковь свою тяжелую руку. Что изображала средневековая живопись? Христа и богородицу, апостолов и святых, картины райского блаженства и особенно – адских мук: грешников жарят на сковородах, черти подвешивают их за ребро, бросают в кипящую смолу… В архитектуре господствовали знаменитые готические храмы со стрельчатыми арками. Остроконечная, легкая, полувоздушная арка как бы стремилась ввысь, к небесам…

И наука также шла на поводу у церкви. Мирская наука была объявлена «служанкой богословия». Университет, школа были проникнуты церковным духом. Ни малейшей свободы исследования не допускалось. Средневековые ученые-схоластики (от латинского «схола» – школа) не искали новых истин. Они всячески толковали и долбили только те «премудрости», которые были возвещены церковными авторитетами. Самым непогрешимым авторитетом для церкви было так называемое «священное писание», или библия, состоящая из Ветхого (древнего) и Нового заветов. Ветхий завет представляет сборник легенд о происхождении мира и человека, преданий о судьбах еврейского народа, различных религиозных предписаний, пророчеств, богослужебных гимнов и т. п. Новый завет, или евангелие, содержит пестрые и противоречивые рассказы о земной жизни Иисуса Христа, в действительности никогда не существовавшего. Многочисленные христианские писатели, так называемые «отцы церкви», своими толкованиями только вносили еще большую путаницу в эти предания, давно опровергнутые нашей современной наукой. Из древних философов и ученых в средние века признавался один Аристотель, живший больше двух тысяч лет назад. В библии и у Аристотеля искали ответы на все вопросы. Если в «священном писании» сказано, что пророк Иисус Навин остановил солнце, значит солнце ходит вокруг земли, а земля неподвижна. Если сказано, что бог сначала сотворил свет и тьму, а потом солнце, стало быть, так и есть, хотя всякий знает, что свет на земле – от солнца. Если Аристотель написал, что у мухи четыре лапки, то не смей сомневаться в этом, хоть ты и видишь собственными глазами, что у мухи не четыре, а шесть лапок!

Какие вопросы занимали ученых-схоластиков?

Может ли дьявол пройти через замочную скважину? Сколько дней пробыли в раю первые люди, Адам и Ева? Может ли бог знать больше, чем он знает? Как спят и питаются ангелы? Что произошло раньше – курица или яйцо?

Таков был круг вопросов, в котором билась мысль средневекового ученого. Эта своеобразная гимнастика ума, разумеется, была праздным, никому не нужным занятием.

Таким же пустопорожним занятиям предавались и в школе. До нас дошел весьма любопытный «учебный план» придворной школы императора Карла Великого (IX век). План составлен в виде вопросов ученика и ответов учителя. Приведем некоторые из них:

Что такое солнце? Сияние шара, счастие природы, честь дня, распределитель часов.
Что такое луна? Глаз ночи, подательница росы.
Что такое звезды? Пестрота неба, краса ночи.
Что такое туман? Ночь среди дня, тяжесть для глаз.
Что такое земля? Мать рождающихся, келья жизни.
Что такое человек? Раб старости, гость в своем доме.
Что такое воздух? Хранитель жизни.
Что такое язык? Бич воздуха.

Поразительно, что ни один из этих ответов ничего не объясняет, не касается сущности вопроса. Узнает ли ученик из ответов учителя, что такое воздух, из чего он состоит, как образуется туман, какова природа человека? Нет, ровно ничего не узнает! Хитроумная игра слов – и только. «Схоластика думала все объяснить, взяв скорлупу слов вместо зерна вещей», правильно говорит о средневековой лженауке итальянский философ XVI века Джордано Бруно.

Школьное обучение начиналось с того, что ученик с голоса учителя запоминал главные молитвы. Преподавание и в школах и в университетах велось на латинском языке, непонятном массам. На том же мертвом языке писались книги, велись диспуты. Школ и университетов было очень мало. Население городов, и тем более сел, было почти поголовно неграмотно. Грамотность была привилегией духовенства. Ученых и просто грамотных было мало даже среди баронов и рыцарей. Короли и императоры зачастую были так же безграмотны, как их подданные. Хорошо грамотный император составлял счастливое исключение. Так, о Генрихе IV (XI век) современник с восхищением пишет: «Император был так учен, что сам был в состоянии читать и понимать всякие письма, какие ему присылались».

Такой низкий уровень культуры и даже простой грамотности был, конечно, на руку церковникам. Больше всего боялась церковь, чтобы ученый от бессмысленных словопрений не перешел к исследованию природы. Ведь он мог прийти к выводам, несогласным со «священным писанием». А каждая трещина в здании веры грозила развалом всему феодальному порядку!

Церковное мракобесие черной тенью окутывало средние века. Загнанная, затравленная наука едва-едва просачивалась в опытах алхимиков, в наблюдениях медиков.

Наука или магия?

Какими путями подлинная наука познает мир? У нее в распоряжении два надежных средства: наблюдение и опыт. Почему апельсины зреют в теплом климате и не родятся на севере? Почему в Японии часто бывают землетрясения, а в Голландии – никогда? Почему бутылка, опущенная в горячую воду, лопается? Почему у человеческого зародыша в известный момент есть хвост, как у животного? Наблюдая различные явления, ставя опыты, ученый ищет связи между явлениями и устанавливает законы природы. Точное познание этих законов дает человеку возможность овладевать силами природы и использовать их для своих потребностей.

Такие же закономерности ученый вскрывает и в человеческом обществе. Почему в Австралии еще сохранились дикари, не знающие ни земледелия, ни скотоводства, ни употребления металла, а в Европе такие дикие люди давно исчезли? Почему буржуазная революция в Англии произошла в XVII столетии, а в Германии – только в XIX? Исследователь тщательно изучает факты, наблюдает, сопоставляет, делает выводы. Благодаря знанию законов развития человеческого общества мы можем до известной степени предвидеть и направлять ход общественного развития.

Религия глубоко враждебна науке. Основа науки – познание причинной связи между явлениями; основа религии – вера в сверхъестественное. Наука призывает к исследованию, религия – к слепой вере. «Верю, ибо нелепо», говорил Тертуллиан, один из «отцов церкви» III века. Для веры нет ничего невозможного. На каждом шагу возможно вмешательство чуда. «Бог захочет – и палка выстрелит».

Средневековая схоластика, служанка религии, не была настоящей наукой. Она не искала опоры в опыте и наблюдении. Она не стремилась к познанию природы и человеческого общества. Единственной задачей ее было укрепить веру при помощи древних авторитетов и особенно «священного писания». Схоластики погружались в словесные упражнения, они без конца спорили, доказывали, опровергали. Все, что несогласно с библейскими сказками о создании мира в шесть дней, о сотворении человека из «праха земного» (из горсти земли), объявлялось тяжким грехом, ересью. А всякая ересь – от дьявола!

Дьявол, он же сатана, «князь тьмы», вообще играл большую роль в понятиях средневекового человека. Вера в бога неразрывно связана с верой в дьявола. Если все блага от бога, то все зло должно быть от дьявола. Как же не верить в дьявола, если в «священном писании» сказано, что сатана искушал самого Иисуса Христа!

По твердому убеждению верующего, дьявол на каждом шагу вмешивался в человеческую жизнь. Бесы вселялись в людей. Женщины, страдавшие припадками, считались ведьмами, «одержимыми» нечистой силой. Для изгнания беса прибегали к молитвам, заклинаниям, а то и пыткам. Очень часто несчастных «ведьм» сжигали на костре.

Веру в дьявола разделяли и средневековые ученые. Среди них были даже специалисты «демонологи», то есть знатоки сатанинских дел. Известный демонолог Жан Вейер насчитывал в легионах сатаны шестьдесят пять герцогов, маркизов и графов и семь миллионов четыреста пять тысяч девятьсот двадцать восемь простых чертенят. В книгах демонологов приводились не только имена бесов и их изображения, но и договоры их с ведьмами и колдунами. Иной раз на договоре виднелся след, оставленный якобы когтем или копытом демона. В Парижской национальной библиотеке до сих пор хранится «письмо дьявола», адресованное будто бы одной одержимой им монахине. Письмо это, написанное на французском языке, за подписью демона Асмодея, изобилует орфографическими ошибками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.